

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**ОТДЕЛЕНИЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЬНИЦ В САРАТОВСКОМ ГАЛКИНСКОМ
УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ПРИЮТЕ (70-е гг. XIX в.)**

Аннотация: статья посвящена вопросу деятельности отделения для несовершеннолетних правонарушительниц Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта в 70-е гг. Сообщаются данные о содержании, обучении и воспитании несовершеннолетних правонарушительниц, их трудовой деятельности в стенах приюта. Приводятся некоторые данные о «юных арестантках» по ежегодным отчетам приюта.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, XX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, несовершеннолетние правонарушительницы, воспитательно-исправительные заведения.

История воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей дореволюционной России до сих пор таит в себе множество интересных и поучительных сюжетов, до сих пор лишь частично описанных в научно-исследовательской литературе, посвященной этой теме.

Одним из таких сюжетов является история отделения для несовершеннолетних правонарушительниц при Саратовском Галкинском учебно-исправительном приюте для несовершеннолетних правонарушителей. История создания прежде всего связана с известным историческим государственным деятелем – первым начальником Главного тюремного управления Российской империи, Михаилом Николаевичем Галкиным-Враском (1832–1916 гг.).

В 1871 г. в Саратов приехал новый губернатор – Михаил Николаевич Галкин-Враской. Выходец из старинного дворянского рода, личный друг императора Александра II, он делал стремительную карьеру. В 1866–67 гг. Галкин-Враской и несколько других чиновников Министерства внутренних дел посетили Западную Европу с научной командировкой. В стране началась тюремная реформа и, чтобы проводить планомерное реформирование всей тюремной системы, системы каторги и ссылки, необходим был европейский опыт.

Галкин-Враской посетил ряд европейских стран и по итогам поездки написал книгу – «Материалы по изучению тюремного вопроса» [1]. Сначала Галкин-Враской был эстляндским губернатором, а затем был направлен в Саратов, где пробыл губернатором с 1871 по 1878 год, вплоть до назначения на должность начальника Главного тюремного управления Российской империи.

Приехав на новое место назначения, Михаил Николаевич начал организовывать новый приют для исправления несовершеннолетних правонарушителей. В 1873 г. приют был открыт. Он находился недалеко от Саратова, на север от него, недалеко от берега Волги, в местности, называемой «Большой Гуселкой». Первоначально приюту был отведен участок земли, размером 20 десятин (22 гектара). Впоследствии учреждение получало новые участки земли, и колония постоянно увеличивалась в размерах. В 1886 г. приют получил от Министерства государственных имуществ в постоянное пользование участок в размере 351 десятины. Но этот участок был далеко от приюта (примерно в 80 км.), и поэтому его сдавали в аренду. В свою очередь, в этот период, руководство колонии арендовал у города, вблизи собственной усадьбы, землю в количестве 132 десятин. Кроме того, из имущества приюту принадлежал пожертвованный в 1893 г. дом с землей в Саратове [2, с. 225].

Нужно заметить, что Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют отличался от других воспитательно-исправительных заведений Российской империи тем, что в нем было два отделения – для юношей, совершивших преступления, и для девушек разного возраста, или как пишут «для несовершеннолетних преступниц».

По отчету Саратовского учебно-исправительного приюта за 1875 / 76 гг. к 30 сентября 1876 г. оставалось в приюте – воспитанников – 16, воспитанниц – 4, всего 20 человек. «В течение предыдущего года было всех воспитанников и воспитанниц 40; по сравнению оказывается, что в отчетном году общее число воспитанников и воспитанниц превышает прошлый год, но за то превышают, и при том в более значительной степени, и исключения из заведения, что произошло от более коротких, сравнительно с прошлым годом, сроков, на которые судебными учреждениями присылались в приюте воспитанники» [3, с. 6].

В отделении для несовершеннолетних правонарушительниц («женское отделение») старшие воспитанницы «оканчивали ветхозаветную священную историю, окончили чтение первых двух книжек «родного слова» Ушинского и начали изучать русскую грамматику по третьему году «родного слова» Ушинского; под диктовку писали без грубых орфографических ошибок, решали изустные задачи в пределах чисел от 1 до 70; одна из безграмотных, остававшаяся в это время в приюте, изучила главнейшие молитвы, оканчивала чтение 2-й книжки для чтения Бунакова, решила изустные задачи в пределах первых трех десятков чисел. В настоящем отчетном году, из поступивших безграмотными, не успели выучиться грамоте окончательно только трое, из числа самых краткосрочных, и при том один из них отличался крайне ограниченными умственными способностями, и его обучение шло чрезвычайно медленно; но тем не менее в них удалось положить начала грамотности, поселить желание выучиться и уверенность, что этого не так трудно достигнуть, так что если бы по их выходе из приюта, окружающая среда была хотя несколько благоприятна, можно было бы надеяться, что они будут продолжать начатое – и достигнуть грамотности; по крайней мере, уходя, они искренно сожалели о том, что не удалось им сделаться грамотными, и обещали учиться потом» [3, с. 26].

В этот год также, по отчету, «воспитанницы женского отделения приюта ... занимались, под руководством их воспитательницы, преимущественно рукоделием и домашним хозяйством. В летнее время они работали только на огороде

для нежных овощей и зелени; большая часть работы на нем была сделана их руками. Успешность их занятий рукоделием выражается тем, что они в течение отчетного года постоянно обшивали весь приют: белье и платье для себя, белье и верхнее летнее платье для воспитанников, наконец чулки, носки, варги (варежки – М.Л.) – все было сделано их руками. На них же лежала обязанность чинить на весь приют белье и верхнее платье» [3, с. 37].

В 1876/77 гг., судя по отчету, количество воспитанниц «женского отделения» было сначала 4, затем 7, а к 30 сентября 1877 года оставалось в приюте всего 4 воспитанницы (отчет 76–77, с. 7). Причем вместимость приюта была рассчитана всего на 5 воспитанниц [4, с. 8]. Практически все воспитанницы происходили из мещан и были приговорены к исправлению «за кражи» [4, с. 9–10].

Весною, летом и осенью «...воспитанники и воспитанницы приюта, после классных учебных занятий, занимались преимущественно сельским хозяйством, включая сюда полевые работы по посеву и уборке зерновых хлебов и сена, затем садоводство и огородничество. Этого рода работам, как и прежде, было дано предпочтительное пред всеми другими развитие на тех основаниях, какие были выработаны прежде и в свое время подробно изложены в предыдущих отчетах приюта. Этими работами занимались без исключения все воспитанники и воспитанницы. Еще в предыдущем отчетном году правлением приюта было признано полезным и даже необходимым расширить сельскохозяйственные операции приюта и поставить это дело более прочно, серьезно; с этой целью и был арендован у города Саратова участок пахотной земли в 322 десятины» [4, с. 19].

Также в отчете указывалось, что «воспитанницы, составляющие женскую семью, в зимнее время, а отчасти и летом, занимались, под руководством их воспитательницы, преимущественно рукоделием. На них лежала обязанность шить белье и летнее платье как для самих себя, так и для мужской семьи; на них же лежала обязанность чинить белье. Все эти обязанности они исполняли с достаточным успехом, так что ни одной пары белья или летнего платья не было сшито посторонними руками. Это и заняло почти все их время, так как все работы были сделаны руками; швейной машины пока еще не приобретено, хотя и имеется в

виду сделать такое приобретение, что вызывается не только желанием производить скорее постройку белья и платья собственно для приюта, но и для обучения воспитанниц работе на машине. Кроме того, при этом, быть может, представится возможность и воспитанницам исполнять посторонние заказы» [4, с. 28].

В отчете за 1878–79 гг. говорилось о том, что «в женской семье воспитанницы разделялись на две группы, сообразно их знаниям и умственному развитию; время для школьных занятий было определено тоже, как и у воспитанников; с каждой группой занимались отдельно; уроки распределены были между смотрителем, законоучителем и воспитательницей; первые давали по два урока в неделю, на долю последней приходились все остальные от 20 до 30 уроков в неделю, что было возможность исполнить только при одновременном занятии с обоими отделениями» [5, с. 11]. У воспитанниц «...предметы преподавания были те же, кроме черчения. В старшем отделении знали по закону Божию св. историю ветхого и нового завета, общеупотребительные молитвы, заповеди, символ веры, и объяснение христианского богослужения; в младшем отделении: молитвы и история двенадцатых праздников; по русскому языку – этимологический и синтаксический разбор простых предложений, писали под диктовку без грубых орфографических ошибок, по арифметике знали четыре арифметических действия над отвлеченными и именованными числами» [5, с. 12].

Практические занятия воспитанниц «женской семьи» приюта в течении почти всего отчетного года состояли в рукоделии и отчасти в домашнем хозяйстве. «Собственная потребность приюта в постройке белья и платья для воспитанников и воспитанниц могла быть удовлетворяема ими легко, а затем оставалось все-таки довольно времени и сил совершенно свободных. Нужно было приискать постороннюю работу, что и было сделано; взять подряд на постройку белья и платья для того же учебного заведения, для которого сапожная мастерская строила обувь. Но взявши этот подряд, сделалось необходимым увеличить расходы производства. Оказалось нужным приискать в помощь воспитанницам швею. Как раз в это время нуждалась в занятиях одна из бывших воспитанниц приюта; так

как она знала шитье удовлетворительно – самым естественным делом было пригласить ее» [5, с. 19–20].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Опыт общего проживания воспитанников и воспитанниц несомненно дал положительный результат. В жизни приюта воспитанницы играли большую роль, хотя бы в ведении домашнего хозяйства. Выходя из приюта, большинство воспитанниц становились законопослушными подданными и в дальнейшем не совершали противоправных деяний. В этом немало поспособствовало пребывание их в стенах Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта.

Список литературы

1. Галкин-Враской М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса / М.Н. Галкин-Враской. – СПб., 1868.
2. Диомидов И.М. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
3. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1875–76 год. Год 3-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1877.
4. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1876–77 год. (с 30 сентября 1876 года по 30 сентября 1877 года). Год 4-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1878.
5. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1878–1879 год. С 30 сентября 1878 года по 30 сентября 1879 года. Год 6-й. – Саратов, Типография Саратовского губернского правления, 1881.